

УДК 343.9.01: 340.114.5

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-184-188

Уголовно-правовые запреты и формирование правосознания**Скоробогатов А.В.**

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

Скоробогатова А.И.

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

Рыбушкин Н.Н.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена исследованию роли уголовно-правовых запретов в формировании ценностных ориентаций субъекта права. Актуальность статьи связана со значением уголовно-правовых запретов в поддержании правопорядка в России не только на уровне государства, но и граждан. Цель статьи состоит в комплексном исследовании воздействия формы, содержания и смысла уголовно-правовых запретов на ценностные ориентации российских граждан. Используя теоретические наработки культурной криминологии, авторы проанализировали состояние российской правовой реальности и сделали вывод, что уголовно-правовые запреты как социальный конструкт не только демаркируют границы дозволенного поведения, но и воздействуют на формирование ценностных ориентаций правосознания, определяющих степень вовлеченности/исключенности индивида в функционирование и развитие правовой реальности.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, правообразование, правосознание, культурная криминология, ценностные ориентации, официальный правовой нарратив, правовая реальность

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И., Рыбушкин Н.Н. Уголовно-правовые запреты и формирование правосознания // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 184–188. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-184-188.

Современная правовая реальность характеризуется трансформацией отношения граждан к содержанию и практике применения уголовного права.

Все больше внимания в правосознании уделяется их ценностному содержанию и возможности их использования для защиты прав и законных интере-

сов человека. Это сопровождается актуализацией интереса к уголовно-правовому запрету не только догматически, но и аксиологически [1]. На первый план выступает проблема использования запрета для воздействия на правосознание и формирование ценностных ориентаций индивида. Это предполагает необходимость комплексного обращения к исследованию формы, содержания и смысла уголовно-правового запрета как средства поддержания правопорядка.

Методологически статья базируется на постулатах культурной криминологии, ставящей в центр уголовно-правовых исследований культурное измерение, эксплицирующее отношение социума к содержанию и нарушению правопорядка [2, р. 22]. Именно культура порождает уголовно-правовые запреты и определяет их смысл и содержание.

Правовое поведение индивида является экспликацией его ценностных ориентаций, которые конструируются на уровне сознания в процессе правовой социализации. Индивид в процессе социализации может выступать как активным субъектом (адресантом), так и пассивным (адресатом). В первом случае он способен оказывать воздействие на формирование ценностных ориентаций других лиц либо в процессе вертикальной коммуникации, когда его деятельность, связанная с влиянием на сознание окружающих, детерминирована его правовым статусом или социальным авторитетом, либо горизонтально, соучаствуя наряду с другими участниками коммуникации в выработке конвенционального решения о поведении, приемлемом, необходимом или запрещенном для сообщества, с которым он себя идентифицирует. Во второй ситуации индивид выступает лишь потребителем информации о должных, запрещенных и разрешенных действиях, которые необходимы для поступательного развития и эффективного функционирования социума. Такой подход к конструированию правового поведения индивида характерен как для неинституционализированных сообществ на догосударственной стадии развития, так и для государственно организованных обществ, хотя для последних характер участия индивида в конструировании правового поведения в значительной степени детерминирован господствующим типом государственно-правового режима. Для авторитарных и тоталитарных режимов больше характерна вертикальная коммуникация, в которой в качестве адресанта выступает политическая элита, а адресатом является гражданин или подданный. При демократическом режиме преимущественно используется горизонтальная коммуникация, при которой индивид одновременно выступает адресатом и адресантом, принимая активное участие в формировании правил поведения, которые необходимы для обеспечения правопорядка и безопасности в социуме, членом которого он является

формально и с которым он себя идентифицирует на основе ценностных ориентаций. Как следствие, при демократическом режиме большое внимание уделяется гарантиям прав и свобод граждан не только в частных, но и в публичных отраслях права, а запрет зачастую рассматривается в качестве средства обеспечения этих прав не только со стороны общества, но и государства.

Конструируемые правила поведения выступают вербальной формой правовой информации, предназначенной для легального и легитимного воздействия на ценностные ориентации неофитов в процессе правовой социализации и служат специфическими сигналами, направленными на поддержание, побуждение и поощрение к совершению социально приемлемых и государственно одобряемых действий и, напротив, ограничению или запрету, действий негативной и деструктивной интенциональности. Несмотря на то, что конструируемые правила могут иметь различные формы, ориентация российской правовой реальности на нормативность предполагает, что преимущественно они представлены вербально, что обуславливает необходимость пристального внимания при их конструировании не только на содержание, но и на форму представления как в контексте юридической техники, так и в контексте правовой семиотики, акцентирующей внимание на доступность языковых кодов, их соответствии лингвокультурной картине мира, существующей в данном пространственно-временном континууме [3]. Эффективность запрета в обеспечении правопорядка обусловлена национальным менталитетом и социокультурной средой, которая формирует стереотипы правового поведения в зависимости от конституционно-правового закрепления социально-политических и социально-экономических тенденций развития общества [4].

В российской правовой реальности единственным правообразователем, творцом уголовно-правовых запретов выступает государство, которое обеспечивает запретам легальный характер, включив их в текст нормативных правовых актов и обеспечив нормативными средствами судебную деятельность в качестве применения и интерпретации запретительных норм [5]. Формируя официальный правовой нарратив, государство демаркирует перечень разрешенных и запрещенных деяний и устанавливает фреймы поведения человека, оказывающие воздействие на общественные отношения как охранительно-регулятивно, так и психологически. Поддержание правопорядка зависит не только от наличия у государства принудительного механизма, но и от готовности граждан соблюдать установленные предписания в силу их восприятия в качестве необходимых средств удовлетворения индивидуальных и коллективных интересов и потребностей. При этом правовая культура общества в значительной

мере определяет содержание групповой культуры. Несмотря на то, что ценностные ориентации социальных групп включают в себя не только юридическую, но и нравственную составляющую (особенно значимую в традиционном обществе), в современном мире профессиональная этика все больше формализуется и юридизируется. Как следствие, этические запреты трансформируются в правовые, нарушение которых влечет за собой применение мер юридической ответственности.

Расширение пределов правового регулирования, характерное для современной правовой реальности с ее стохастичностью и релятивизмом, предполагает, что классическое уголовное право, ориентированное на применение возмездия и ограничение совершения деяний, которые показали свой негативный характер в процессе социального взаимодействия предыдущих поколений, не в полной мере подходит для защиты общества от некоторых современных угроз, таких как терроризм или киберпреступность. Речь должна идти не только о расширении криминализации и пенализации [6], но и о принципиально ином восприятии уголовно-правового запрета в обеспечении правопорядка. Нам представляется, что охрана и поддержание общественного порядка и общественной безопасности являются государственной задачей прогностического типа, которая может быть обеспечена только в том случае, если государство способно формулировать уголовно-правовые запреты не столько ретроспективно, сколько проспективно, оценивая современные угрозы, руководствуясь общим контекстом социокультурного развития общества [7]. Основное внимание при этом должно уделяться роли уголовного права в защите не общественных отношений, а правовых ценностей, на что акцентировано внимание в конституционных новеллах 2020 г. [8, с. 15] В этой связи не только допустимы, но даже поощряемы нормативно закрепленные уголовно-правовые запреты, которые не применяются на практике. Эффективность запрета будет определяться как его вербальным выражением, максимально ориентированным на культурные коды данного социума, так и разъяснением смысла запрета и его значения для обеспечения правопорядка и национальной безопасности в процессе правовой социализации. При этом можно говорить о воздействии уголовно-правового запрета не только на человека, совершившего преступное деяние, но и на широкий круг лиц, которые осуществляют уголовно-правовое познание в процессе социализации и благодаря знакомству с запретами конструируют в своем сознании ценностную установку на несовершение действий, которые демаркированы как запрещенные.

Ориентация современного общества на легальность [9] предполагает, что повседневные социальные практики, в которых принимает участие индивид, основаны на множестве институциональных

ограничений и правовых текстов, регулирующих общественную жизнь, для обозначения которых в социальной семиотике используют термин «институционально-правовые тексты» [10], которые составляют официальный юридический нарратив [11, с. 23]. Речь при этом идет не только о нормативных правовых актах, а обо всей совокупности текстов, имеющих официальное происхождение и несущих правовую информацию, способных воздействовать на формирование ценностных ориентаций субъекта и целенаправленность его правовых действий. Лингвистической единицей таких текстов, эксплицирующей средства правового регулирования, выступает вербальный знак, выражающий уведомление о регулировании социального поведения людей в конкретной повторяющейся жизненной ситуации в течение относительно длительного периода времени. Литеральность используемых при этом средств носит обязательный характер и является не только одной из форм официального выражения определенности права и передачи смысла юридической нормы, но и обеспечивает наиболее эффективное воздействие этого смысла на сознание субъекта с целью формирования ценностных установок на осуществление правомерных действий.

Традиционно важнейшим средством правового регулирования, имеющим языковое выражение, выступает запрет, устанавливающий ограничение для совершенных субъектом действий, которые могут привести к негативным последствиям или имеют деструктивное содержание [12]. Хотя имплицитно запреты присутствуют в любой норме права [13, с. 14], нас в данной статье интересуют только запреты в сфере уголовно-правового регулирования (уголовно-правовые запреты). В соответствии с общими принципами уголовного права преступлением может считаться только деяние, которое прямо запрещено законом и которое закон уже признал таковым до его совершения, и что к виновному может быть применено только наказание, которое закон уже предписал или которым угрожал в момент совершения деяния. В этом смысле уголовно-правовой запрет может рассматриваться как специфическая правовая конструкция, вербально описывающая общественное отношение, которое в идеальной правовой реальности не должно существовать в силу своего негативного или деструктивного значения для этой реальности [14, с. 17]. Это позволяет рассматривать уголовно-правовой запрет и преступление, которое им ограничивается, не только в юридическом, но и в социальном контексте [15].

Формулируя уголовно-правовой запрет и объявляя деяние преступлением, законодатель, с одной стороны, ограничивает индивидуальную свободу человека; с другой стороны, граждане могут действовать правомерно только при условии осознания правовой позиции государства относительно содержания

и смысла запрета, его места в организации и функционировании правовой реальности. Правовые последствия, заранее установленные законом, исключают произвол судебного решения и содержат гарантию для виновного, делая тяжесть правовых последствий преступления заранее предсказуемой. Это связано с характерной для континентального права ориентацией при квалификации преступного деяния на объект и объективную сторону состава преступления, которым больше всего места уделено в тексте запрета.

Включение таких языковых конструкций в официальный юридический нарратив делает их соблюдение общеобязательным для всех лиц, имеющих устойчивую правовую связь с государством, установившим соответствующие нормы, и идентифицирующих себя с обществом, выразителем интересов которого выступает данное государство. Однако если соблюдение позитивного обязывания предполагает воспроизводство нормативного эталона, то в отношении запрета действия субъекта должны носить прямо противоположный характер: соблюдение запрета предполагает воздержание от совершения деяния, модель которого сформулирована в диспозиции запретительной нормы [16].

Запрет может быть сформулирован как позитивно, так и негативно. В первом случае речь идет о конструировании с помощью вербальных знаков установки на ограничение в совершении действий, которые могут привести к негативным последствиям для общества, разрушая демаркированный законодательством общественный порядок. Под вторым случаем мы имеем в виду закрепление в законодательстве обязанностей индивида, нарушение которых может привести к отрицательному воздействию на систему социальных отношений, которая была нормативно определена государством и является условием обеспечения и поддержания правопорядка и национальной безопасности. Однако независимо от особенностей формулирования, речь идет о директивном значении запрета в правовом регулировании и возможности его функционирования не только онтологически, но и аксиологически. В последнем случае можно говорить о существовании не сформулированного вербально запрета, который воспринимается субъектом на основе обращения к принципам уголовно-правового регулирования. В качестве таких запретов можно указать, например, запрет на применение более тяжкого уголовного наказания, чем существующее в момент совершения преступления; запрет на неопределенность уголовного закона; запрет обычного права или судебного права, устанавливающего уголовную ответственность и ужесточающего уголовные санкции; запрет на аналогию права или закона при принятии судебного решения по уголовным делам [17].

Последняя ситуация особенно характерна для судебных актов, которые не только интерпретируют, но

и конкретизируют законодательные запреты, а также демаркируют поведение отдельных субъектов в рамках нормативно установленного правового пространства [18]. Несмотря на то что основное внимание в условиях характерного для российской правовой реальности нормативного правопонимания уделяется резолютивной части, для воздействия на правосознание не меньшее значение имеет мотивировочная часть, содержащая указание на те юридически значимые обстоятельства и нормативные смыслы, которые детерминируют квалификацию судом деяния в качестве преступного. Суд не только соотносит деяние с законодательно сформулированным запретом, но и конкретизирует последний по отношению к отдельным лицам, уточняя содержание нормы юридически и (или) социально. При этом происходит вербальная трансформация обобщенной правовой информации и перевод официального правового нарратива в общедоступную публичную информацию, направленную на объяснение содержания и смысла законодательного запрета. Ссылка в судебном акте на статью закона и использование соответствующей терминологии включает решение в правовое поле и расширяет его, персонифицируя и адаптируя к интересам и потребностям отдельного субъекта. В этом смысле судебное решение, прежде всего приговор, можно рассматривать не только как конкретизацию запрета в пределах нормативно определенной структуры, но и его пространственное дополнение. Однако это не означает, что суд порождает новый запрет. Речь идет лишь о корректировке имеющихся запретов в демаркированных государством границах. Обращение к судебной практике способствует усилению ценностного воздействия запрета на сознание и поведение адресата правовой коммуникации, поскольку благодаря судебным актам граждане получают не абстрактный эталон правомерного поведения, а конкретный пример действий, совершение которых влечет за собой применение мер юридической ответственности.

Таким образом, уголовно-правовые запреты как социальный конструкт являются результатом правообразовательной деятельности государства и эксплицируют официальный юридический нарратив, форма, содержание и смысл которого детерминированы уровнем культурного развития социума в пределах определенного пространственно-временного континуума. В этом смысле уголовно-правовой запрет выступает одной из ведущих правовых ценностей, аксиологической основой правовой реальности. Будучи вербальной формой правовой информации, запреты не только демаркируют границы дозволенного поведения и определяют фреймы действий, ограничение на совершение которых детерминировано их негативными последствиями и деструктивным содержанием, но и воздействуют на формирование ценностных ориентаций правосознания, которые, в свою очередь, определяют понимание индивидом

правовой реальности и степень его вовлеченности/исключенности в ее функционирование и развитие. Значение запретов особенно возрастает в кризисные периоды развития государства и общества, когда особенно необходима мобилизация сил для поддержания правопорядка и национальной безопасности.

Литература:

1. Cornford A. The Aims and Functions of Criminal Law // *The Modern Law Review*. 2024. Vol. 87(2). P. 398–429. DOI: 10.1111/1468-2230.12846.
2. Ferrell J., Hayward K., Young J. *Cultural Criminology: An Invitation*. London: Sage, 2008. 240 p.
3. Kelemen J. A Semiotics of Prohibition: Boundaries and Exclusion in the Divine Comedy // *Hungarian philosophical review*. 2021. Vol. 65(2). P. 126–135.
4. Золотухин В.М., Тарасенко А.А. Социально-философский аспект специфики уголовного правоприменения в Российской ментальности // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 55–60.
5. Hessick F.A., Hessick C.B. Constraining criminal laws // *Minnesota Law Review*. 2022. Vol. 106. P. 2299–2361.
6. Aaronson E., Shaffer G. Defining crimes in a global age: Criminalization as a transnational legal process // *Law & Social Inquiry*. 2021. Vol. 46. Iss. 2. P. 455–486. DOI: 10.1017/lsi.2020.42.
7. Идрисов Н.Т. К вопросу о концептуальной формуле прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам // *Вестник Московского университета МВД России*. 2025. № 1. С. 63–67. DOI: 10.24412/2073-0454-2025-1-63-67.
8. Лазарев В.В. Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 2. С. 11–17.
6. Silbey S.S. Legal culture and cultures of legality // *Routledge Handbook of Cultural Sociology*. 2nd. Abington: Routledge, 2018. P. 426–435.
10. Kozhemyakin E., Dubrovskaya T. Regulating social behaviour by multimodal public signs: Semiotic pragmatics of prohibition // *Multimodality, digitalization and cognitivity in communication and pedagogy*. Cham: Springer, 2021. P. 27–48. DOI: 10.1007/978-3-030-84071-6_3.
11. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. *Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив*. СПб.: Алетея, 2024. 556 с.
12. Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет как онтологическая основа правовой реальности России // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. Т. 10. № 3 (39). С. 108–115. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.108-115.
13. Братко А.Г. *Запреты в советском праве* / Под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.
14. Рыбушкин Н.Н. *Запрещающие нормы в советском праве*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 111 с.
15. Майстренко Г.А. Преступность как негативное социальное явление в Российской Федерации на современном этапе // *Российский научный вестник*. 2025. № 1. С. 192–196. DOI: 10.24412/2782-3830-2025-1-192-196.
16. Микаутадзе С.Р. Правовой запрет в механизме уголовной политики государства // *Актуальные проблемы государства и права*. 2025. Т. 9. № 2. С. 273–280. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-2-273-280.
17. Ferenc N. Az anyagi büntetőjog és az alkotmány // *Acta Universitatis Szegediensis: acta juridica et politica*. 1996. Т. 47. P. 79–95.
18. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. *Правовое пространство: постклассическая интерпретация* // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 3(8). С. 81–88.

Legal Prohibitions and the Formation of Legal Consciousness

Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I.

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

Rybushkin N.N.

Kazan (Volga) Federal University

This article examines the role of criminal prohibitions in shaping the value orientations of legal entities. The article's relevance stems from the importance of criminal prohibitions in maintaining law and order in Russia, not only at the state level but also at the citizen level. The article aims to comprehensively examine the impact of the form, content, and meaning of criminal law prohibitions on the value orientations of Russian citizens. Drawing on theoretical insights from cultural criminology, the authors analyzed the state of Russian law reality and concluded that criminal prohibitions, as a social construct, not only demarcate the boundaries of permitted behavior but also influence the formation of value orientations of legal consciousness, determining the degree of an individual's involvement/exclusion in the functioning and development of law reality.

Keywords: criminal prohibition, legal education, legal consciousness, cultural criminology, value orientations, official legal narrative, law reality